

Он убьет ее. Разорвет ее слабое тело. Сломает кости в ее теле и выльет ее кровь. Это все, о чем он мог думать. Это все, чего он хотел. Сердце его билось в ушах, заглушая все другие мысли кровожадным желанием.

Его телу было ужасно больно; его плечо почти выскользнуло из сустава, когда он протаранил стену. Он едва мог видеть, его глаза наполнялись кровью, которая текла по его лицу. Но он чувствовал ее. Он чувствовал, что ее дух - слабый и уязвимый, едва привязан к ее телу. Он чувствовал, как он пульсирует своим беспорядочным и безумным пульсом. Там был страх, страх и слабость, которые сломали бы ее.

Он сломает ее. Он мог видеть это сейчас, мог почувствовать ее сердце в когтях. Это была мелочная, хрупкая вещь, ее так легко лопнуть. Он чувствовал, как ее кости звенят палочками с простым щелчком запястья. Он чувствовал, как ее мускулы вырываются из конечностей. Он чувствовал, как кровь вырвалась изо рта с кашлем, ее язык бесполезно высунулся изо рта, когда ее глаза закатились от боли. Он мог видеть это сейчас. Его дыхание усилилось, когда красная дымка над его разумом послала биение в сердце.

Она была всего лишь детенышем, и он не хотел ничего, кроме как искалечить ее, пока она не стала чем-то большим, чем куча мяса и кости, чтобы висеть в его пещере вместе со всем остальным. Ему понравится. Это будет медленно и жестоко. Тяжело дыша, он вздрогнул от ожидающего экстаза, когда закрыл свои мерцающие глаза.

Она уже потеряла сознание, кровь и желчь вытекали из углов ее рта. Она упала, когда он прорвался сквозь стену. Ее руки раскинулись в стороны, ее пылающие волосы смешались в луже алой крови, которая собралась вокруг ее головы. Ее глаза впали, ее грудь вздымалась, когда она коротко задыхалась. Она умирала. Он поможет ей. Волнение наполнило его тело как тлеющий огонь, который распространялся из его желудка. Жара заставляла его кровь кипеть, когда она распространялась через его тело, пока не взорвалась в пылающем пламени. Непрекращающийся удар его кровавой ярости не исчезал; скорее, он строился на крещендо, подобно бурным волнам, которые разбились о его черепе в мучительной мании. Когда его сердце билось, и его мускулы сжались, он почувствовал, как иступление снова наступает.

Он едва мог думать, мощный коктейль безудержной боли и гнева, протекающий через его тело, превращал его в бессмысленного зверя. Он был опьяняющим и ослепляющим - жара и давление наполнили его голову и втянули его в безумие. Он набросился на все в своем безумии, даже на самого себя, когда он упал на колени с тупым стуком. Он хотел рвать, рвать, и он делал это с нечеловеческим рвением.

Темные когти рвали его собственную кожу, царапая глубокие борозды в его чешуе и рисуя красные черты на его груди. Мех был разорван и покрыт кровью, его темные когти калечили все, что попадалось на пути. Он выл и бил землю, соскабливая пожелтевшие искры, которые вылетали в воздух. Он царапал стены пещеры и издавал сломанный вой, пока, наконец, не закончилось безумие, и он не упал на землю, тяжело дыша.

Она вызвала это. Туман красного цвета еще не вырвался из его разума, но эта мысль прорезала его, как когти. Отвратительная боль, ярость, это была ее вина. Она напала на него на его территории. Она заслужила смерть. Задыхаясь, он встал, сгорбившись. С низким хрюканьем он пошел вперед, вытянул правую руку, расправил когти и приготовился разрезать ее тело.

Он почувствовал, как кровь течет внутри его тела, его сердце забилося быстрее. Он разорвет

ее. Да, это было правильно. Конечно. Теперь он присел на корточки, на одну ногу. Он мог это видеть, кровь выливалась из ее рта. Ее глаза выпучатся, когда он разобьет ее череп. Это было бы просто. Он стоял, сгорбившись. Он представил это, ее кости разбились под его пальцами. Ее слабое сердце подскакивало в ладони. Он мог это видеть. Он убьет ее. Один шаг, два шага, и он стоял над ней.

Его голова закружилась, когда кровь снова и снова врезалась в его череп. Глубокая боль пульсировала по всему телу, но ему было все равно. Он посмотрел на ее сломанную форму, на ее умирающее тело, за которое она была ему обязана. Он спас ее, и она попыталась его убить. Сама мысль наполнила его разгневанным негодованием, глубоким унижением, которое он мог только успокоить кровью.

«Просыпайся», - прорычал он, одно слово было слишком тяжелым среди его ярости. Это было скорее гортанным ревом, чем чем-то еще, зверским шумом, который эхом отражался в пещере.

Ее глаза распахнулись, ее дыхание было легким и быстрым, когда она неосмотрительно озиралась вокруг, пробуждаясь в последний момент ясности, прежде чем ее пламя жизни исчезло. Она смотрела на него с выражением, которое было наполнено смешанным чудом и страхом. Он просто улыбнулся в ответ, дав ей гротескную вспышку острых, окровавленных зубов, словно приветствуя ее обратно в мире живых.

В мгновение ока он схватил ее за горло и поднял за шею, горячая ярость заставила его вздохнуть. Борясь за дыхание, она попыталась хрупкими руками убрать эти черные когти, которые глубоко впились в ее бледную кожу и оставили тонкие следы крови на горле. Она была слишком слаба, чтобы даже надеяться на это. С гортанным рычанием он ударил ее о стену, острые зубы сжались в волнении.

Он мог убить ее прямо сейчас. Он мог убить ее в одно мгновение. Это было бы так легко. Он крепче сжал руку на шее, а другой начал давить ее виски. Она боролась, но ее движения становились все слабее, ее дыхание было более неустойчивым. Ее сила оставила ее, ее тело стало сдаваться. Он почувствовал, как кости ее тела начали ломаться.

Внезапно она схватила его правую руку с новообретенной силой, уперлась пальцем, ладонь распласталась на его руке. Она смотрела прямо на него, и он почувствовал пульс ее духа, который сиял в ее глазах. Она сияла в своих глазах. Он почувствовал, как она движется в него - ее сила течет в него. Ее дух присоединился к нему. Она смотрела прямо на него, эти яркие зеленые глаза широко открылись. Они светились ярким светом, из краев текли пурпурные и белые ленты. Черные отметины на ее лице сияли, ее вены были видны под ее белой кожей.

Этот белый блеск сверкнул из ее глаз, сливаясь в один комок. Он пульсировал слабо, прежде чем плавать на кончиках ногтей. Одна лента подключила его к ее рту, пробежала по ее горлу. Вздохнув, она прошептала: «Брат». Одно слово. Слабый трепет в тишине пещеры. А потом она рухнула. Лента разорвалась, оставив только мягко пульсирующий свет, парящий над его когтями. Она не сказала, но он это почувствовал.

Это была ее душа.

Она медленно погружалась в его грудь. Он не мог двигаться, боялся двигаться. Его тело дрожало от нервного страха и неопределенности, когда эта теплота заполнила его грудь. И он чувствовал ее внутри себя, ее жизнь, душу.

Она только произнесла одно слово, но она пронзила его намного сильнее, чем любой удар. Удар попал ему в спину, заставляя мускулы ослабевать. Его хватка ослабела и упала; она

рухнула на землю, тело смялось, когда она закашляла кровью. Туман его кровавого гнева, который подпитывал его усталое тело, наконец уступил место, опоры поддержки рушились в пыль. Вся его гнев и ненависть мгновенно истощились, оставив только тупо пульсирующее чувство в его голове. Темнота, которая наполнила его, казалось, расходилась, одно слово пробивалось сквозь туман его жажды крови. Сила оставила его тело, оставив только пронзительную усталость, которая дошла до его костей.

Именно тогда он услышал знакомый голос.

Пощади ее, дитя мое. Она твоя сестра.

Земля снова говорила с ним, хотя молчала с момента его рождения, но уже дважды в последние дни. Ее слова были похожи на свет, пронизывающий дымку от того, что осталось от его кровавого гнева. Пока он качал головой, чтобы очистить свои мысли, в нем улеглось раскаяние.

Но внутри него было инакомыслие. Он слышал мертвых в ушах, каждый голос мягкий, как шелковый, и вместе с тем непреодолимый поток, который разбился в его черепе и утопил его собственные мысли.

Ты смеешь отказывать нам в нашей законной мести?

Они зашипели на него, их слова выплевывали яд в уши.

Глупый. Слабый. Недостойный.

Их крики выросли до крещендо, пока его голова не начала раскалываться от боли, и огонь горел в легких. Возмущенные визги скребли его кости и трясли его челюсть, пока давление не стало волнением. И все же, когда его разумный тон оказался на грани катастрофы, голос снова появился.

Пощади ее, дитя мое.

На этот раз мертвые замолчали. Была пауза, прежде чем в его голове раздался какой-то еще шум, и когда снова появились неохотные голоса мертвых.

Он говорит. Андахиэль говорит. Братя, мы слушаем.

Как многие беспокойные змеи, мертвые втянулись в свои шипящие катушки. Давление все еще было, просто уменьшилось. Они чувствовали себя сдержанными, скованными, хотя по своему выбору или по силе его не видели.

Но когда мертвые теперь молчали, его путь был ясен. Она была его сестрой; Земля сказала, что это правда. Его стая, его кровь. Он должен был спасти ее. Он стиснул зубы, решительно очистив свой взгляд от затяжных ядов, пытаясь сосредоточиться.

Он чувствовал, что ее дух умирает рядом с ним, хрупкая вещь пульсирует все медленнее и медленнее. Избитой рукой он потянулся и осторожно схватил ее слабую руку когтями. Закрыв глаза, он почувствовал ее рядом с ним, ее дух медленно ускользал из умирающего тела. Раздражение наполнило его сердце морозом, вес его сожаления был тяжелым на его плечах.

Он это сделал. Он чуть не убил ее.

Он дышал медленно, глубокий вдох, приносящий прохладный воздух, чтобы заполнить усталые легкие. Сердце колотилось в его ребрах, его мускулы болели и пылали, но он заставил себя успокоиться. Его закрученный ум изо всех сил пытался просеять шторм мыслей и смятения, пытаясь удержаться, чтобы игнорировать жар в его крови и стук в голове, пока, наконец, он не смог бы больше не отчаиваться и разочаровываться. Он был слишком утомлен, слишком устал, поэтому остановился.

Он перестал думать и вместо этого начал чувствовать.

Он чувствовал ночной воздух на оборванной коже и сломанных чешуйках, остывал от дремоты солнца. Он ощущал жжение его ран, влажную струйку теплой крови, которая стекала по его конечностям. Он ощущал ревущий гром его биения, каждый удар пульса посылал волны жизненной силы, пробиваясь сквозь толстые вены.

Он чувствовал, как жемчужина черного горит жгучей жарой в его запястье, ее глянцевая форма обернута в затененную завесу. Он ощущал непоколебимую землю в своей плоти, острый камень в когтях, пыл его родового права, бушующий по его телу. Он ощущал биение своего собственного духа, блестящее и сильное в груди. Он чувствовал, что в нем лежат мертвецы, их потерянные духи скручиваются с едва сдержанным размахом и воспламеняются необходимостью отомстить.

И он чувствовал ее. Он ощущал дух, который она дала ему, слабый и нежный против бури, которую он держал в сосуде его плоти. Он не знал, почему это была ее душа и ее существо; она принадлежала ей. Он чувствовал себя чуждо, его присутствие было чуждо, когда он был у него в груди. Она дала его ему, но он не мог его взять. Для того, кто чуть не убил своих родственников, это было первое из его воздаяний. Возвращение ее жизни было бы началом его покаяния.

Вызвав связь, которая соединила душу с телом, он почувствовал, что ее дух медленно раскалывается с груди на его руке. Он оставил след тепла и силы, где он путешествовал, когда он покидал его тело, затянувшееся тепло, которое медленно исчезло с его кожи. Это оставило за собой след жизни. Это была та самая жизнь, что он вдохнул в нее, обхватив ее грудь, прежде чем погрузиться в плоть. Сильная судорога чуть не обрушилась на ее позвоночник, когда дух полностью вошел в ее тело, и он отразился от него от боли, когда он привязал ее дух к нему. Ее мускулы растянулись, глаза свернули, пальцы сжались, спина изогнулась, и кожа выпустила пар, когда жизнь вошла в ее труп и заставила ее дрожащее сердце снова работать. В ее груди раздался трепещущий внезапный спазм, который отнял ее от земли, прежде чем она рухнула. Затем ее дыхание затихло, ее пульс медленно нарастал.

Но этого было недостаточно. Даже перед тем, как покинуть ее тело, ее дух был поврежден в их борьбе, был измотан, разрушен. Она умрет.

Беспомощность погрузилась в его кости, из-за чего он устал. Он опустился на колени, его руки висели на боку. Искры вылетели с того места, где его когти ударили по камню, но ему было все равно. Она умрет.

«Сестра», - прохныкал он в последний раз, его горло хрипело.

Внезапный всплеск тепла заполнил его, ощущение жизненности и жизни, о котором он помнил только однажды: в своем рождении. Тогда наполнила его сила земли, которая поднялась с ног и наполнила его огнем. Она текла через его грудь, задерживаясь вокруг его сердца, прежде чем, наконец, собралась в кончиках его когтей. Он осторожно коснулся ее лба, и блеск сиял,

как белое солнце, освещающее всю пещеру. Пар прошипел и поднялся из уголков ее глаз, ее суставы трескались, ее кожа была покрасневшей. Когда треск остановился, она успокоилась, как во сне, ее дыхание было глубоким и ровным, и он облегченно вздохнул.

Вера, дитя мое.

Она будет жить. Он не убил ее.

Это была его последняя мысль, прежде чем его мышцы расслабились, и он упал. Его тело ударилось о скалу, но он не чувствовал боли. Медленно его глаза закрылись, и его разум погрузился в сон.

<http://tl.rulate.ru/book/8591/165455>